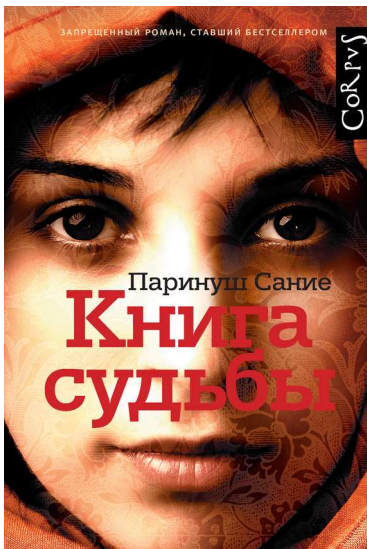


ЗАПРЕЩЕННЫЙ РОМАН, СТАВШИЙ БЕСТСЕЛЛЕРОМ

СофтРис

Паринуш Сание
**Книга
судьбы**



Паринуш Сание Книга судьбы

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8333302
Книга судьбы: АСТ: CORPUS; М.; 2014
ISBN 978-5-17-084592-7

Аннотация

В «Книге судьбы» рассказывается о пяти десятилетиях жизни женщины и одновременно – об истории Ирана, с правления шаха Пехлеви до наших дней. Трудная и не всегда счастливая любовь, семья, работа, дети и при этом – постоянный страх за близких, которых преследуют или сажают за решетку, провозглашают героями, но могут и лишиться жизни. А рядом – и верные друзья, и предатели, готовые отвернуться от тебя, если от тебя отвернется послушное власти большинство.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Паринуш Сание

Книга судьбы

© Parinoush Saniee, 2003
© Л. Сумм, перевод на русский язык, 2014
© А. Бондаренко, оформление, 2014
© ООО “Издательство АСТ”, 2014
Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Действующие лица



Ахмад, старший брат Масумэ
Али, младший брат Масумэ
Ардалан, сын Парванэ
Ардешир, сын Мансуре
Асгар-ага, один из женихов Масумэ
Атефе, жена Масуда, дочь господина Магсуди
Гамар, тетя Масумэ со стороны матери
Бахман-хан, муж Мансуре
Биби, бабушка Хамида со стороны отца
Дариуш, младший брат Парванэ
Дорна, дочь Сиамака и Лайлы, старшая внучка Масумэ
Доктор Атаи, аптекарь по соседству
Этерам-Садат, кузина Масумэ со стороны матери и жена Махмуда
Фаати, младшая сестра Масумэ
Фарамарз Абдоллахи, жених Ширин
Фарзанэ, младшая сестра Парванэ
Фирузе, дочь Фаати, племянница Масумэ
Голам-Али, старший сын Махмуда
Голам-Хоссейн, второй сын и младший из детей Махмуда
Бабушка, мать отца Масумэ
Бабушка Азиз, бабушка Масумэ по матери
Хаджи-ага, муж госпожи Парвин

Хамид Солтани, муж Масумэ, коммунист
Хосров, муж Парванэ
Ладан, невеста Масуда
Лалех, младшая дочь Парванэ
Лайла, старшая дочь Парванэ
Махбубэ, кузина Масумэ по отцу
Махмуд, старший брат Масумэ
Манижэ, младшая сестра Хамида, золовка Масумэ
Мансуре, старшая сестра Хамида, золовка Масумэ
Масуд, второй сын Масумэ
Масумэ, героиня-рассказчица, полное имя – Масум Садеги
Мехди, муж Шахрзад, руководитель коммунистической организации
Мохсен-хан, муж Махбубэ
Монир, старшая сестра Хамида, золовка Масумэ
Мостафа Садеи, отец Масумэ (Мостафа-ага)
Ахмади (господин и госпожа), родители Парванэ
Господин Магсуди, однополчанин Масуда, затем его начальник и тесть
Господин Мотамеди, вице-президент правительственной организации, где работала Масумэ
Господин Ширзади, руководитель отдела в организации, где работала Масумэ
Господин Заргар, непосредственный начальник Масумэ
Госпожа Парвин, соседка родителей Масумэ
Нази, жена Саида
Парванэ Ахмади, ближайшая подруга Масумэ
Садег-хан, муж Фаати, зять Масумэ
Саид Зарей, помощник аптекаря Атаи
Шахрзад (тетушка Шери), подруга Хамида, член коммунистической организации
Ширин, дочка Масумэ, младшая из ее детей
Сиамак, первенец Масумэ
Зохраб, муж Фирузе
Тайебэ (мать) – мать Масумэ
Аббас, дядя Масумэ по отцу
Ассадолла, дядя Масумэ по отцу
Хамид, дядя Масумэ по матери
Зара, дочь Махмуда
Зари, старшая сестра Масумэ, умерла, когда Масумэ было восемь лет

Места



Ахваз – столица Хузестана, главного города западной провинции Хузестан у границы с Ираком

Газвин – крупный город на севере Ирана
Голаб-Дарэ – город к северу от Тегерана, среди гор Альборц
Керманшах – столица провинции Керманшах на западе Ирана
Мешхед – город на северо-востоке Ирана, поблизости от границы с Афганистаном и Туркменистаном, почитается как место, где находится гробница имама Резы
Гора Дамаванд – высочайший пик цепи Альборц к северу от Тегерана
Кум – город к юго-западу от Тегерана, центр шиитов. Особо почитается гробница Фатимы аль-Масумэ
Резайе – город на северо-западе Ирана, столица провинции Западный Азербайджан
Тебриз – столица провинции Восточный Азербайджан на севере Ирана
Захедан – столица провинции Систан и Белуджистан, поблизости от границы с Пакистаном и Афганистаном

Глава первая



Поступки моей подруги Парванэ порой меня поражали. Она нисколько не думала о чести и репутации своего отца: громко болтала на улице, заглядывала в витрины, порой даже останавливалась и указывала на что-нибудь пальцем. Сколько бы я ни твердила: “Это неприлично, пойдем скорее”, она ничего не слушала. Однажды и вовсе окликнула меня через всю улицу, хуже того – назвала по имени. Так сделалось стыдно, про себя я молилась: хоть бы растаять или провалиться на месте. Хорошо еще, братьев не оказалось поблизости, а то даже не знаю, чем бы это обернулось.

Когда мы переехали в столицу из Кума, отец разрешил мне и тут ходить в школу. Потом я сказала ему, что в Тегеране школьницы не носят чадру и надо мной будут смеяться, и тогда он позволил мне повязывать голову платком, но чтобы я обещала ему быть благоразумной и не осрамить его, не сделаться испорченной. Я не совсем поняла, что он имеет в виду, как может человек испортиться – ведь я не залежалая еда, например, но я знала, как себя вести, чтобы не осрамить отца, даже если на мне не будет чадры. И какой хороший дядя Аббас! Я слышала, как он сказал отцу:

– Брат! Главное, чтобы девочка была хорошей внутри. Не в хиджабе дело: скверная девчонка и под чадрой ухитрится проделать тысячу штук и лишит своего отца чести. Раз уж ты переехал в Тегеран, живи, как тегеранец. Прошли те времена, когда девочек держали взаперти дома. Пусть она ходит в школу и пусть одевается как все и не выделяется.

Дядя Аббас очень умный и все знает – еще бы! – он до нас прожил в Тегеране почти десять лет. Появлялся в Куме только на похоронах. Как приедет, бабушка, упокой Аллах ее душу, непременно говорила:

– Аббас, почему ты не навещаешь меня почаще?

А дядя Аббас громко смеялся и отвечал:

– Что ж поделать? Вели родичам умирать почаще!

И тогда бабушка хлопала его по лицу и щипала за щеку так сильно, что метина еще долго виднелась.

Жену дядя Аббас нашел себе в Тегеране. К нам в Кум она всегда приезжала в чадре, но мы знали, что в Тегеране она чадру не носит. А ее дочери тем более – в школу ходили с открытыми лицами.

Когда бабушка умерла, дети продали семейный дом и разделили деньги. Дядя Аббас сказал отцу:

– Брат, здесь больше незачем оставаться. Приезжай в Тегеран. Мы сложим обе наши доли и купим магазин. Я сниму для тебя дом поблизости от моего, и мы будем работать вместе. Пора тебе устроить свою жизнь. Только в Тегеране ты сможешь заработать.

Поначалу мой старший брат Махмуд был против. Он говорил:

– В Тегеране религия и вера пошатнулись.

Но другой брат, Ахмад, ликовал.

– Поедем, поедем! – уговаривал он. – Пора нам выбиваться в люди.

А мама беспокоилась:

– Как же девочки? Им не найти там хороших мужей, ведь в Тегеране нас никто не знает. Все наши друзья и родные – здесь. Масумэ сдала экзамен за шесть классов и даже проучилась еще один год сверх того. Надо искать жениха. А Фаати в этом году пойдет в школу. Аллах один ведает, что с ней станется в Тегеране. Все говорят: девушки из Тегерана никуда не годятся.

Али – он учился в четвертом классе – заявил:

– Ничего с ней не станется! Я что, покойник? Я буду следить за ней, как сокол, она у меня шелохнуться не посмеет!

И он пнул Фаати, которая играла на полу. Сестренка заплакала, но никто и внимания не обратил.

Я подошла, обняла ее и сказала:

– Что за глупости! Тебя послушать, так в Тегеране все девочки плохие.

Брат Ахмад, которому до смерти хотелось в Тегеран, рывкнул на меня:

– Заткнись! – И, обернувшись к родителям, продолжал: – Нам бы только решить с Масумэ. Выдадим ее замуж здесь, пока мы не уехали в Тегеран, и не о чем будет тревожиться. А за Фаати приглядит Али.

Он похлопал Али по спине и принялся его нахвалять, дескать, мальчик обладает и отвагой, и представлениями о чести, на него можно положиться. Я уже ничего хорошего не ждала. Ахмад с самого начала не пускал меня в школу. Все потому, что сам не занимался, никак не мог сдать за восьмой класс и в итоге вылетел из школы. Конечно же, ему не по нраву, чтобы я училась дольше, чем он.

Бабушка, упокой Аллах ее душу, тоже огорчалась, зачем это я столько учусь, и все время донимала нашу мать: “Твоя дочь ничего не умеет. Выдадите ее замуж – а ее через месяц отошлют вам обратно”. И отцу тоже: “Сколько можно тратить денег на девчонку? От девочек никакого проку. Это чужое добро. Ты целыми днями трудишься, а тратишь все на нее, а потом еще больше придется потратить, чтобы сбыть ее с рук”.

Ахмаду шло к двадцати, но порядочной работы у него не было. Дядя Ассадолла взял его к себе в лавку на базаре, разносчиком, но чаще Ахмад без дела шлялся по улицам. Совсем не похож на Махмуда – тот всего двумя года старше, но уже серьезный, сдержанный, глубоко верующий, никогда не пропускал ни молитву, ни пост. Казалось, он не на два, а на все десять лет старше.

Наша мать хотела, чтобы Махмуд взял в жены ее племянницу, нашу двоюродную сестру Этерам-Садат. Она говорила, Этерам-Садат – из Сейидов, из потомков Пророка. Но я знала, что на самом деле брату нравится Махбубэ, кузина со стороны отца. Каждый раз, когда Махбубэ приходила к нам в гости, Махмуд краснел и заикался. Он стоял в уголке и во все глаза смотрел на Махбубэ, ловя момент, когда чадра соскользнет с ее головы. А Махбубэ, благослови ее Аллах, веселая, шаловливая, то и дело забывала покрыться как следует. Бабушка бранила ее: постыдилась бы перед мужчинами, которые тебе не ближайшая родня, а она отвечала: “Полно, бабушка, они мне тоже как братья” – и снова громко смеялась.

Я заметила, что, когда Махбубэ уходила от нас, Махмуд тут же становился на молитву и молился час или два, а потом еще долго повторял: “Помилуй, Аллах, наши души! Помилуй, Аллах, наши души!” Я понимала: он считает себя грешником. А как оно на самом деле, одному Аллаху ведомо.

До переезда в Тегеран у нас в доме еще долго спорили и ссорились. В одном все сошлись: выдать меня замуж и сбыть с рук. Как будто все тегеранцы только и ждали приезжих, чтобы поскорее испортить. Я каждый день ходила к гробнице благой Масумэ и молила ее устроить так, чтобы родные взяли меня с собой и позволили мне ходить в школу. Я плакала и приговаривала: лучше бы мне родиться мальчиком или уж заболеть и умереть, как Зари. Сестра была тремя годами старше меня; когда ей исполнилось восемь лет, она заболела дифтерией и умерла.

Благодарение Господу, мои молитвы были услышаны: никто так и не постучался к нам в дверь и не попросил моей руки. Отец привел свои дела в порядок, дядя Аббас снял для нас дом поблизости от улицы Горган. И всем оставалось только сидеть и ждать, когда же меня возьмут замуж. Каждый раз, оказавшись в компании достойных на ее взгляд людей, мать намекала: “Масумэ пора выдавать”. И я краснела от гнева и унижения.

Но благая Масумэ заступилась за меня: сваты так и не явились. Наконец семья известила кого-то из прежних женихов – он успел жениться и развестись, – что на этот раз его одобряют. Жених этот был вполне состоятелен и не так уж стар, но никто не знал, почему он развелся с женой, не прожив с ней и полугодя. Мне он показался дурного нрава, страшным. Узнав, что мне грозит такой ужас, я позабыла скромность и правила приличия, бросилась к ногам отца и проливая слезы, пока он не согласился взять меня со всей семьей в Тегеран. Отец был мягкосердечен, и я знала, что он любит меня, хоть я и девочка. Мать говорила, после смерти Зари он трясся надо мной: я была худенькой, и он боялся, как бы я тоже не умерла. Отец думал, Бог наказал его за то, что он не радовался рождению Зари, и забрал ее. Наверное, за мое рождение отец тоже не поблагодарил Аллаха, но я искренне любила отца. Только он из всей нашей семьи понимал меня.

Каждый вечер, когда отец возвращался домой, я брала полотенце и шла к пруду для омовений. Отец опирался рукой на мое плечо и несколько раз окунал в пруд каждую стопу. Затем он мыл руки и лицо. Я протягивала ему полотенце, и, вытирая лицо, он так поглядывал на меня своими светло-кариими глазами, что я понимала: отец любит меня и доволен мной. Мне хотелось бы его поцеловать, но это было бы неприлично – взрослой девушке целовать мужчину, пусть даже родного отца. И он пожалел меня на этот раз – а я поклялась всем на свете, что не стану испорченной и не навлеку на него позор.

Чтобы пойти в школу, снова пришлось просить и спорить. Ахмад и Махмуд считали, что учиться мне дальше незачем, а наша мать говорила, что гораздо важнее курсы кройки и шитья. Но просьбами, мольбами, бесконечными слезами я уломала отца, и вопреки им всем он записал меня в восьмой класс.

Ахмад так обозлился, что готов был меня задушить, бил меня по любому поводу. Но я понимала, отчего он так сердится, и помалкивала. Школа находилась недалеко от дома, минут пятнадцать-двадцать пешком. Поначалу Ахмад тайком крался за мной, но я туго заматывалась чадрой и вела себя так, чтобы ему не к чему было придрататься. Махмуд же вовсе не разговаривал со мной, словно и не замечал.

Вскоре они оба нашли работу. Махмуд устроился в лавочке на базаре у господина Мозаффари, Ахмад же поступил учеником в мастерскую сапожника в районе Шемиран. Господин Мозаффари говорил, что Махмуд целый день сидит в лавке, он надежный, на него можно положиться, и отец хвастался: “Магазин господина Мозаффари только на Махмуде и держится”. Но Ахмад тут же обзавелся приятелями и домой являлся поздно ночью. От него сильно пахло алкоголем – он пил арак, все это понимали и все молчали. Отец при виде такого сына опускал взгляд и не желал с ними здороваться; Махмуд отворачивался и повторял “Помилуй, Аллах, помилуй, Аллах”, а мать грела ужин и говорила: “У моего сына забо-

лел зуб, он полоскал его спиртом, чтобы унять боль”. Что ж это за лечение, если зуб никак не желал исцелиться? Но мать всегда покрывала Ахмада, он был ее любимцем.

А потом у него нашлась забава и дома: подглядывать из окна верхнего этажа за нашей соседкой госпожой Парвин. Госпожа Парвин часто возилась у себя во дворе, и, разумеется, при такой работе чадра у нее часто спадала. Ахмад часами простаивал у окна гостиной. Однажды я подсмотрела, как они подавали друг другу какие-то знаки.

По крайней мере это отвлекало Ахмада, и он оставил меня в покое. Даже когда отец разрешил мне ходить в школу без чадры, только в платке, это стоило нам лишь одного дня криков и споров. Не то чтобы Ахмад тут же успокоился – но он перестал меня бранить и больше со мной не разговаривал. В его глазах я сделалась воплощением греха. Он на меня даже не глядел.

Меня это нисколько не огорчало. Я ходила в школу, получала хорошие отметки, со многими в классе подружилась. Чего еще и желать? Я была совершенно счастлива, особенно с тех пор, как мы с Парванэ стали лучшими подругами и поклялись ничего друг от друга не скрывать.

Парванэ Ахмади была очень веселая, жизнерадостная девочка. Отлично играла в волейбол в школьной команде, а училась кое-как. Плохой девочкой я ее не считала, вовсе нет, но многие правила для нее как будто не существовали: она не знала, что хорошо, что плохо, что правильно, а что нет, и как надо себя вести, чтобы сберечь доброе имя отца и его честь. Братья у нее тоже были, но она их нисколько не боялась, порой даже дралась с ними и давала им сдачи, если ударят. Все на свете смешило Парванэ, и она хохотала вслух даже на улице. Ей, похоже, никто не говорил, что девушка не должна выставлять напоказ зубы, когда смеется, и никто из чужих не должен слышать ее смеха. Она удивлялась, когда я напомнила ей, что это неприлично, и просила прекратить. Смотрела удивленно и переспрашивала: “Почему?” Бывало, уставится на меня так, словно я – человек из другого мира (впрочем, ведь так оно и было). К примеру, она знала наизусть все марки автомобилей и мечтала вслух о том, как ее отец купит черный “шевроле”. Я понятия не имела, как выглядит “шевроле”, но не хотела в этом признаваться.

Однажды я указала на красивую, новую с виду машину, и спросила:

– Парванэ, это и есть “шевроле”, про которое ты говорила?

Парванэ глянула на автомобиль, на меня, расхохоталась и прямо-таки завизжала:

– Какая забавная! Она путает “фиат” с “шевроле”.

Я залилась краской по самые уши, чуть не сгорела от стыда и от того, что выдала свое невежество, и от того, что она так громко смеялась.

Дома у Парванэ были и радиоприемник, и телевизор. У дяди Аббаса я тоже видела телевизор, но у нас был только большой приемник. Пока бабушка была жива, а теперь при Махмуде мы не включали музыку, ведь это грех, тем более если поет женщина, да еще и что-то веселое. Мои родители тоже были очень набожные и знали, что музыку слушать не полагается, но все же они соблюдали запреты не так строго, как Махмуд, и некоторые песни им нравились. Проводив Махмуда, мать включала радио – разумеется, негромко, чтобы соседи не услышали. Она даже знала слова некоторых песен, по большей части тех, которые пела Пуран Шапури, и сама порой тихонько напевала на кухне.

Однажды я сказала ей:

– Мама, ты знаешь столько песен Пуран!

Она подскочила, словно от испуга, и приказала мне:

– Замолчи! О чем ты говоришь? Не хватало еще, чтобы твой брат услышал!

Возвращаясь домой на обед, отец включал новости, которые передавали в два часа, а потом забывал выключить радио. Начиналась музыкальная программа “Голха”, и отец без-

отчетно кивал в такт песне. И пусть говорят, что хотят, но я видела: отцу нравился голос Марзийе. Когда передавали ее песни, он не бормотал: “Помилуй, Аллах! Выключи это!” А вот когда пел Виген, тут отец вдруг вспоминал и о вере, и о благочестии и кричал: “Опять этот армянин! Выключи!” Ох, а мне так нравился голос Вигена! Почему-то, слушая его, я всегда думала о дяде Хамиде. Он запомнился мне красивым мужчиной, не таким, как его братья и сестры. От дяди Хамида пахло одеколоном, такая редкость в нашей деревне... Когда я была маленькой, он подхватывал меня на руки и говорил моей матери:

– Отличная работа, сестра! Какую ты родила красивую дочку! Слава Аллаху, она ничуть не похожа на своих братьев – а то бы пришлось взять большую бочку и замариновать ее.

А мать восклицала:

– А! Что ты говоришь! Чем мои сыновья не удались? Таких красавчиков еще поискать, а что они смугловаты, это даже к лучшему. Мужчина и не должен быть чересчур красив. В старину говорили: мужчина должен быть уродлив, страшен и зол! – Последние слова она не говорила, а пела, и дядя Хамид громко смеялся в ответ.

Я уродилась похожей на отца и его сестру. Нас с Махбубэ часто принимали за сестер. Она была красивее меня: я тощая, а она пухленькая, и волосы у меня ни за что не желали виться, как ни бейся, а у нее – тугие локоны. Зато глаза у нас обеих были темно-зеленые, кожа светлая, и на щеках, когда мы улыбались, проступали ямочки. Зубы у тети были неровные, и она говорила мне: “Счастливица! У тебя такие белые ровные зубы!” Моя мать и остальные родичи были совсем другие: черноволосые, с волнистыми волосами, склонные к полноте, но по-настоящему растолстела только сестра матери, тетя Тамар. Конечно, их нельзя было назвать некрасивыми. Особенно маму. Стоило ей убрать волосы с лица и выщипать брови, она становилась в точности похожа на мисс Саншайн, чье яркое личико украшало тарелки и блюдца. На губе у нее сбоку была родинка, и мать говаривала: “В тот день, когда твой отец явился просить моей руки, он влюбился в меня, едва увидев эту родинку”.

Мне было лет семь или восемь, когда дядя Хамид уехал. Он зашел попрощаться, взял меня на руки, обернулся к матери и сказал:

– Сестра, ради Аллаха, не спеши выдавать этот цветочек замуж слишком рано! Пусть сначала получит образование и станет настоящей дамой.

Дядя Хамид первым в нашей семье переехал на Запад. Я не имела ни малейшего представления о заморских странах, мне представлялось – это что-то вроде Тегерана, только еще дальше. Время от времени бабушка Азиз получала от сына письма и фотографии. Красивые фотографии. Почему-то он всегда снимался в саду, среди деревьев, кустов и цветов. Потом он прислал фотографию, на которой стоял рядом с блондинкой, не надевшей чадру. Никогда не забуду тот день. Дело шло к вечеру. Бабушка Азиз зашла к нам, попросила отца прочесть ей письмо. Отец сидел на полу, на подушках, рядом со своей матерью. Он сперва прочел письмо про себя, а потом как крикнет:

– Чудесно! Поздравляю вас! Хамид-ага женился, и это – его жена!

Бабушка Азиз упала в обморок, а вторая бабушка, которая с ней не ладила, прикрыла рот уголком чадры и захихикала. Мама принялась бить себя по голове – она толком не знала, что делать: тоже упасть в обморок или утешать свою мать. Наконец бабушка Азиз пришла в себя, выпила много кипятку с сахаром и только тогда спросила:

– Эти люди – язычники?

– Нет! – возразил отец, пожимая плечами. – Не язычники. Они тоже народ Книги. Армяне.

Тогда и бабушка Азиз стала бить себя по голове, но мама удержала ее и сказала:

– Ради Аллаха, прошу тебя, не надо! Ничего страшного. Она приняла ислам. Спроси, кого хочешь: мусульманин вправе жениться на женщине другой веры, если он обратит ее. Это даже угодно Богу, Аллах за это вознаграждает!

Бабушка Азиз глянула на нее с тревогой и ответила:

– Знаю, знаю. Кое-кто из пророков и имамов тоже брал жен-немусульманок.

– Значит, если Аллаху угодно, это к счастью! – рассмеялся отец. – Когда назначим праздник? Жена-иностранка, это стоит отметить.

Вторая бабушка нахмурилась и сказала:

– Спаси Аллах, всякая невестка – наказание, а тут еще чужеземка, невежественная, понятия не имеющая, что по нашей вере чисто и что нечисто.

К бабушке Азиз меж тем вернулись силы и отвага, она поднялась и заявила:

– Невестка – благословение дому. Мы не такие, как некоторые люди, кто не ценит своих невесток и норовит превратить их в прислугу. Мы своих невесток любим и гордимся ими, тем более если сын нашел себе жену на Западе!

Такой похвалы мать моего отца не стерпела и сказала ехидно:

– Видела я, как вы гордитесь женой Ассадоллы-хана! – и добавила злорадно: – А эта, может, вовсе и не перешла в ислам. Может, с ней и Хамид-ага делается язычником. Он ведь никогда не был по-настоящему верующим, иначе не переехал бы в страну греха.

– Слышишь, Мостафа-хан? – воскликнула бабушка Азиз. – Слышишь, как она со мной разговаривает?

Пришлось отцу вмешаться и прекратить их спор.

Вскоре бабушка Азиз созвала множество гостей и всем хвалилась своей невесткой с Запада. Фотографию она обрамила, поставила на камин и показывала знакомым женщинам. И все же до самой смерти она переспрашивала мою мать:

– Ты уверена, что жена Хамида приняла ислам? А вдруг наш Хамид сделался армянином?

После ее смерти мы все реже получали известия о дяде Хамиде. Однажды я отнесла его фотографии в школу, показала своим тегеранским подружкам. Парванэ он очень понравился.

– Какой красивый! – улыбалась она – Ему повезло, что он попал на Запад. Я только и мечтаю переехать!

Парванэ много песен знала наизусть. Больше всех она любила Делкаша. Половина девочек в школе обожала Делкаша, остальные – Марзийе. Мне пришлось стать поклонницей Делкаша, иначе Парванэ не захотела бы со мной дружить. Она даже кое-кого из западных певцов знала. У нее дома стоял граммофон, вся семья слушала пластинки. Однажды Парванэ показала мне свой граммофон: маленький чемоданчик с красной крышкой. Переносной, сказала она.

Еще до конца школьного года я многому успела научиться. Парванэ часто просила у меня тетради и записи лекций, а иногда мы готовили задание вместе. Она охотно приходила к нам домой. Легкая, приветливая, ей было все равно, много у нас добра или мало.

Наш дом был невелик. Переднее крыльцо – три ступеньки во двор с прямоугольным прудом для омовений. На одном берегу пруда поставили длинную деревянную скамью, по другую сторону тянулась цветочная клумба – в смысле клумба была длинная, а тянулась она вдоль короткой стороны пруда. Кухня, темная, почти черная, стояла отдельно от дома, в углу двора. Рядом – ванная. Снаружи раковина, так что нам не приходилось качать воду из пруда всякий раз, когда мы умывали лицо и руки. В доме слева от парадной двери четыре ступеньки на небольшую площадку, туда выходили двери двух спален. А этажом выше – еще две смежные комнаты. Первая – гостиная, там было два окна – одно на двор и улицу, а

другое – на дом и сад госпожи Парвин. Окна дальней комнаты, где спали Ахмад и Махмуд, выходили на внутренний двор и двор дома позади нашего.

Когда Парванэ приходила к нам, мы с ней поднимались наверх, в гостиную. Особой мебели там не было – большой красный ковер, круглый стол и шесть деревянных стульев, в углу высокий обогреватель и рядом с ним несколько напольных подушек. Единственное украшение на стене – обрамленный ковер со стихом из Корана. Каминную доску мать застелила вышивкой и поставила там зеркало и канделябры, оставшиеся с ее свадьбы.

Мы с Парванэ сидели на подушках, шептались, хихикали, учились. К ней домой меня никогда не пускали.

– Ты не переступишь порога их дома! – раз навсегда постановил Ахмад. – Во-первых, ее брат безобразник, а во-вторых, и сама она бесстыжая. Да что там, у них даже мать ходит без хиджаба!

Я бы ответила: “Кто в этом городе носит хиджаб?” – но если я говорила эти слова, то беззвучно, себе под нос.

Однажды я все-таки заскочила к ним домой всего на пять минут: Парванэ обещала показать журнал “День женщины”. Красивый, хорошо прибранный дом, множество симпатичных вещичек, на всех стенах – картины: пейзажи и женские портреты. В гостиной широкие синие диваны с бахромой понижу. Окна, что выходили на передний двор, были занавешены бархатными шторами того же цвета. Столовая располагалась позади гостиной, проем отделялся шторой. В холле – телевизор, там тоже стояли диваны и несколько кресел, двери оттуда вели в кухню, ванную и туалет – домочадцам не приходилось бегать через двор и в зимний холод, и в летний зной. Спальни все наверху. Парванэ делила комнату с младшей сестрой Фарзанэ.

Счастливые люди! У нас было гораздо теснее. Комнат вроде бы и четыре, но на самом деле мы все топтались в большой комнате первого этажа. Там мы ели, зимой там же ставили корей, а под ним жаровню с углем – для меня, Фаати и Али. Отец с матерью устраивались в соседней комнате на широкой деревянной кровати; в их комнате стоял и шкаф с нашей одеждой и всякими вещами, а нам, детям, выделили каждому полку для книг, но у меня книг было больше, и я захватила две полки.

Маме понравились картинки в “Дне женщины”, но от отца и Махмуда мы журналы прятали. Я читала раздел “На распутье” и истории с продолжением, а потом пересказывала их маме, преувеличивая трогательные подробности, так что она чуть не плакала, и у меня тоже слезы катились из глаз. Мы с Парванэ договорились: каждую неделю, после того как ее мать прочтет новый выпуск, она дает почитать его нам.

Я призналась Парванэ, что братья запрещают мне ходить к ней домой. Она очень удивилась:

– Почему?

– Потому что у тебя брат уже большой.

– Дарьюш? Он на год нас младше. Какой же он большой?

– Как-никак он взрослый, и они считают это неприличным.

Парванэ пожала плечами, но больше не зазывала меня к себе.

Я получила отличные оценки за год, на экзаменах учителя меня хвалили. Но дома никого это не волновало. Мать не вполне понимала, о чем я толкую. Махмуд отрезал:

– И что с того? Ты сделала что-то необыкновенное?

А отец спросил:

– Так почему же ты не лучшая в классе?

С началом лета нам с Парванэ пришлось расстаться. Поначалу она заходила к нам, когда братьев не было дома, мы с ней выходили на крыльцо и болтали. Но матери это не понравилось. Дома, в Куме, она целыми днями сидела с соседками, шелкая арбузные семечки, пока отец не придет с работы. В Тегеране у нее не было ни подруг, ни знакомых, соседки держались высокомерно, несколько раз даже высмеяли нашу мать, и она обиделась. Постепенно она забыла, как сама любила поболтать, и запретила мне зря тратить время с подружками.

Мать не приживалась в Тегеране. Она все твердила: “Этот город не для нас. Все наши друзья и родные остались в Куме. Если уж жена твоего дяди, зазнайка эдакая, ставит себя выше нас, чего и ждать от чужаков?”

Она жаловалась и ныла, пока отец не согласился отправить нас на лето к ее сестре. Я возмутилась:

– Люди проводят лето где попрохладнее, а ты везешь нас обратно в Кум?

Мать рассердилась и сказала:

– Быстро же ты забыла, откуда ты родом. Мы жили в Куме круглый год, и тебя это устраивало. А теперь нашей принцессе дачу подавай? Я год не видела сестру. Я не получала вестей о брате, я не побывала на могилах предков... Пока мы объедем всех родичей и у каждого прогостим по неделе, уже и лето закончится.

Махмуд согласился отпустить нас в Кум, но хотел, чтобы мы жили у сестры отца – приедет к нам на выходные и повидается заодно с тетей и с Махбубэ.

– Живите у тети, – настаивал он, – не нужно переходить из дома в дом. Если вы погостите у всех, они все ринутся в Тегеран гостить у нас, и головной боли не будет конца.

(Замечательно! Образец гостеприимства!)

– Вот как! – возмутилась мать. – Значит, если мы будем гостить у твоей тети, и она приедет к нам, все в порядке. Но избави Аллах, чтобы нас провела бедная моя сестра!

(Дай ему по голове, грубияну, поставь его на место!)

И мы поехали в Кум. Я больше не противилась, поскольку Парванэ все равно уезжала с родными на лето в усадьбу своего деда в Голаб-Дарэ.

В Тегеран мы вернулись к середине августа: у Али оставались хвосты по нескольким предметам, и ему надо было повторно сдавать экзамены. Не знаю, почему мои братья так ленились учиться. Наш бедный отец так мечтал об их прекрасном будущем, видел их врачами и инженерами. Так или иначе, мы вернулись домой заранее, чему я была очень рада – невыносима эта кочевая жизнь, то у тети с материнской стороны, то у дяди с отцовской, то у тети с отцовской стороны, то у брата матери... Особенно тяжело было у той тети, которая сестра матери. У нее не дом, а мечеть. Все время спрашивала, прочли ли мы молитвы, и ворчала, что не так прочли. И хвалилась своей набожностью и родичами своего супруга – все, как на подбор, муллы.

Через пару недель вернулась в Тегеран и Парванэ со своей семьей. Начался школьный год, и я вновь была счастлива и довольна. Приятно было снова увидеть подруг и учителей – теперь-то я не считалась новенькой, как годом раньше, не удивлялась всему подряд, не выдавала себя неуместными замечаниями. Я научилась писать сочинения по литературе. Стала такая же умная, как девочки в Тегеране, и тоже могла выразить собственное мнение. И всем этим я была обязана Парванэ, моей первой и лучшей наставнице. В тот год мне также открылась радость чтения – не учебника, а других книг. Мы передавали из рук в руки романы, вздыхали и проливали слезы над ними, часами их обсуждали. Парванэ обзавелась красивым альбомом – ее кузина аккуратным красивым почерком написала на каждой странице тему, а Парванэ клеила подходящие по смыслу картинки. Все одноклассницы, родственницы,

подруги вписывали в этот альбом ответы. Иные вопросы – “какой твой любимый цвет” или “любимая книга” – были не так уж интересны, но самое главное мы находили на страницах, где спрашивалось, что вы думаете о любви, были ли вы когда-нибудь влюблены и каким вам представляется идеальный супруг. Некоторые девочки писали совершенно откровенно, чего они хотят, и даже не задумывались, каково им придется, если альбом попадет в руки директора.

Я тоже сделала себе альбом, но поэтический – вписывала в него понравившиеся стихи, а рядом или сама рисовала картинку, или клеивала ту, которую Парванэ вырезала по моей просьбе из какого-нибудь иностранного журнала.

Ясным осенним днем мы с Парванэ возвращались из школы, и она попросила меня зайти вместе с ней в аптеку, чтобы купить пластырь. Аптека была нам по пути из школы. Доктор Атаи, владелец аптеки, был почтенный старый человек, его все уважали. Мы вошли – за прилавком никого не оказалось. Парванэ окликнула доктора и привстала на цыпочки, чтобы заглянуть за прилавок. Там стоял на коленях молодой человек в белом халате, представлял упаковки с лекарствами на нижних полках. Он поднялся и спросил:

– Чем вам помочь?

Парванэ сказала:

– Мне нужен пластырь.

– Сейчас принесу.

Парванэ ткнула меня локтем в бок и шепнула:

– Кто это? Такой красавчик!

Молодой человек подал Парванэ пластырь, и она присела, чтобы достать деньги из своего ранца. Мне она шепнула:

– Эй! Погляди же на него! Он так красив...

Я поглядела на молодого человека, на миг наши взгляды встретились. Странное это было ощущение, во всем теле: я почувствовала, как запылали щеки, и поскорее уткнулась взглядом в пол. Со мной такое случилось впервые в жизни. Я обернулась к Парванэ и сказала:

– Пойдем отсюда, скорей! – И выскочила из аптеки.

Парванэ выбежала вслед за мной и спросила:

– Да что с тобой такое? Впервые человека увидела?

– Я смутилась, – сказала я.

– Из-за чего?

– Из-за того, как ты обсуждала постороннего мужчину.

– Что в этом такого?

– Что такого? Это не очень-то прилично. Боюсь, он тебя слышал.

– Ничего подобного! Ничего он не слышал. И разве я сказала о нем плохое?

– Сказала, что он красивый и...

– Полно! – сказала Парванэ. – Даже если он меня слышал, то, скорее всего, был польщен. Но, между нами говоря, я присмотрелась повнимательнее и поняла, что не так уж он хорош собой. Надо будет рассказать отцу, что у доктора Атаи появился помощник.

На следующий день мы немного запаздывали в школу, но когда поспешно проходили мимо аптеки, я заметила, что молодой человек смотрит на нас. На обратном пути мы заглянули в магазин сквозь витрину. Он был занят, работал, но мне показалось, он нас видел. С того дня, словно заключив без слов уговор, мы виделись таким образом каждое утро и каждый день. У нас с Парванэ появилась новая увлекательная тема для разговора. Вскоре слух о помощнике аптекаря распространился в школе. Девушки только и говорили, что о красивом молодом человеке, который работает у доктора Атаи, и выдумывали всевозможные предлоги, чтобы навестись в аптеку и как-то привлечь его внимание.